

М. Ю. Крапивин

Свободная Трудовая Церковь (1922–1925 гг.): из истории обновленческого движения в русском православии первой половины XX в.

Одним из экзотических образчиков проявления радикального религиозного реформизма в России первой половины 1920-х гг. была деятельность так называемой Свободной Трудовой Церкви (далее — СТЦ). Созданию это псевдоцерковного объединения предшествовала произошедшая в Москве в 1922 г. встреча двух незаурядных (в своем роде) личностей — А. Святогора и И. Смирнова.

Александр Святогор (Агеенко Александр Федорович, ?–1937) — талантливый поэт, относивший себя к кругу футуристов, родился в семье священника. Будучи еще семинаристом, он увлекся анархизмом, вступил в подпольный кружок, принимал участие в экспроприациях, за что неоднократно сидел в тюрьме. После революции Святогор примыкает к так называемым биокосмистам, считавшим культурно-просветительную работу главным средством достижения анархии в обществе¹. Увлечение анархистской идеологией сочеталось у него с последовательным богоискательством, с планами коренного реформирования Церкви. Осенью 1922 г. Святогор создает в столице обновленческую группировку под названием СТЦ и становится ее теоретиком.

Немного лучше нам известна биография И. Смирнова («епископа» Иоанникия) — наиболее влиятельного неформального лидера из окружения бывшего архиеп. Пензенского и Саранского Владимира (Путяты)². Иван Сергеевич Смирнов родился в 1884 г. в городе Шуя Иваново-Вознесенской губернии. Студентом третьего курса Казанской духовной академии он принимает монашество. Ко времени учебы относится также знакомство Смирнова с Владимиром (Путятой). В Пензу иеродиакон Иоанникий приехал, по одним сведениям, в 1915 г. вместе с Путятой, в каче-

Крапивин Михаил

Юрьевич,

доктор исторических наук, профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

стве его секретаря, после назначения архиепископа Владимира Пензенским епархиальным архиереем; по другим сведениям, его появление в Пензе произошло не ранее 1917 г. Будучи самым близким к архиепископу человеком, Смирнов и в возникшем в 1918 г. «пензенском расколе» также играл одну из ведущих ролей. Именно Иоанникий был организатором массовых собраний верующих в помещении городского театра («Народного дома»), многократно выступал с проповедями на злобу дня³.

13 августа (31 июля) 1918 г. Патриарх и Св. Синод «слушали: рапорт Преосвященного Пензенского, от 23 Июля – 5 Августа 1918 г. за № 2023, в коем изложено, что проживающий временно в г. Пензе, студент Казанской Духовной Академии, иеродиакон Иоанникий (Смирнов) принимал и до сего времени принимает, несмотря на сделанное ему разъяснение <...>, участие в противозаконном служении отлученного от Православной Церкви бывшего Архиепископа Владимира и выступает на собраниях приверженцев Владимира». По результатам обсуждения было принято постановление (№ 648): «Поручить Пензенскому Епархиальному Начальству запретив студента Казанской Духовной Академии иеродиакона Иоанникия (Смирнова) <...> в священнослужении назначить формальное следствие и о противозаконных действиях и поведении названного иеродиакона и в дальнейшем ходе дела сего поступить на основании церковных правил и духовных узаконений. О чем, для должных к исполнению распоряжений, послать Преосвященному Пензенскому указ. <...> Исполнено 2/15 авг. 18 г.»⁴

В скором времени (точная дата нами не установлена) Иоанникий был рукоположен Владимиром в сан священника и назначен настоятелем кафедрального собора г. Пензы. Параллельно Иоанникий некоторое время (хронологические рамки нам не известны) был сотрудником Пензенского статистического бюро⁵.

В ноябре – декабре 1920 г. Иоанникий Смирнов возглавил «Пензенский Епархиальный совет Свободной народной Церкви», что, скорее всего, явилось следствием постепенного перераспределения сил в лагере церковных «оппозиционеров». Весной-летом 1921 г. Совет, по-прежнему руководимый Смирновым, переименовал себя (временно?) в «Исполнительный комитет» (в другой редакции: «Центральное Организационное бюро») Свободной Народной Церкви⁶, что подразумевало превращение (так и не состоявшееся в конечном итоге) Пензы в центр широкого, в масштабах всей России, церковно-обновленческого движения.

5 июня 1921 г. общее собрание членов Православной Свободной Народной Церкви постановило: «Просить своего духовного вождя любимого архипастыря Владимира принять немедленно меры к созданию собственной Иерархии, которая отвечала бы требованиям и заданиям Свободной Народной Церкви»⁷. Однако епископская хиротония Иоанникия, находившегося на тот момент в брачном состоянии⁸, по воспоминаниям современников, была осуществлена не ранее первых чисел мая 1922 г.⁹

Эта «хиротония», вопреки каноническим правилам, была произведена Путятюй единолично¹⁰. Новый «епископ» почему-то именовался Инсарским, Пензенской епархии, хотя ни в Инсарском уезде, ни в самом городе Инсаре никаких приходов у путятинцев не было. Важно подчеркнуть, что Путята рукоположил своего главного сподвижника во «епископа» с большой неохотой, лишь уступая требованиям большинства своих приверженцев. Опасения Путятюй оказалась вполне обоснованными: через несколько месяцев он, окончательно потеряв власть в общине, был уволен «на покой» собранием своих бывших сторонников и вынужден был уехать из Пензы¹¹.

Очевидцы событий, происходивших в Пензе в начале 1920-х гг., первоначально полагали, что раздор руководителей «пензенского раскола», Путятюй и Иоанникия, был обусловлен борьбой за власть. Но затем стало складываться впечатление, что причины внутреннего конфликта были более глубокими: «Иоанникий, должно быть, <...> действительно мечтал о каких-то коренных преобразованиях в Церкви, причем уже не о реформах, а об явной ломке»¹².

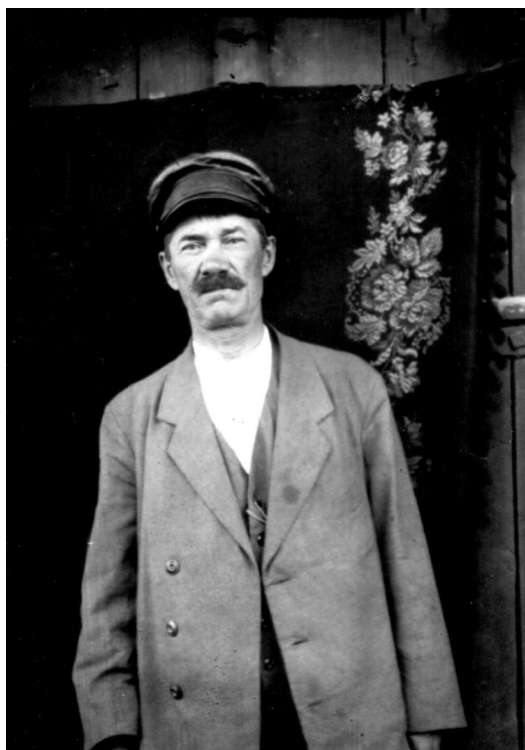
17 мая 1922 г. в Пензу в качестве временно управляющего епархией приехал назначенный канонической церковной властью еп. Краснослободский Леонтий (Устинов). Вновь «поставленный» епископ Иоанникий предложил еп. Леонтию «работать в контакте с временным епархиальным управлением». Последний в ответ выдвинул ряд условий, которые Иоанникием выполнены не были, после чего еп. Леонтий предпринял попытку единолично управлять епархией, насколько это ему позволяли действия обновленцев.

В этих условиях Иоанникий обратился к обновленческому Высшему Церковному Управлению по делам Православной Российской Церкви (далее — ВЦУ) с просьбой утвердить состав возглавлявшегося им временного епархиального совета. В свою очередь ВЦУ постановило: «предложить группе пензенского духовенства, рукоположение коих не вызывает сомнения в хиротонии, избрать себе епископа и представить его на утверждение ВЦУ». Тем самым ВЦУ не признало Иоанникия законным архиереем. А поскольку от него другой кандидатуры не поступило, то в Пензу был направлен обновленческий архиеп. Леонид (Скобеев). Прибывший на место в июле 1922 г. Леонид, войдя в общение с Иоанникием, настаивал на «полной капитуляции» путятинцев, подразумевая под этим, среди прочего, чтобы все «духовенство», поставленное Путятюй за годы его пребывания в расколе, сложило свои полномочия (в обмен на обещание, что позднее все будут восстановлены на своих местах и без куска хлеба не останутся). В результате вся иоанникиевская группировка (читай — «путятинская церковь») практически растворилась в обновленчестве. Вслед за этим тандем Леонид—Иоанникий, предприняв неудачную попытку подчинить себе городское духовенство, решил организовать «епархиальное управление» из числа членов бывшего епархиального совета при Путятюе (председатель — архиеп. Леонид, секретарь — Иоанникий Смирнов)¹³.

В разгар описываемых событий, 24 июля 1922 г., И. С. Смирнов был арестован пензенскими чекистами по обвинению в «злоупотреблении именем советской власти и дискредитировании таковой» и 11 августа 1922 г. этапирован в Москву в распоряжение ГПУ¹⁴. Позднее, судя по всему, он был из-под ареста освобожден и получил возможность остаться в столице, где и произошла (ближе к концу 1922 г.) встреча А. Святогора с безработным «епископом» Иоанникием Смирновым, формально новую «церковь» и возглавившим¹⁵.

Еще одним незаурядным членом «церковной коллегии» СТЦ стал старый «искатель по верам» Федор Ильич Жилкин¹⁶, в недавнем прошлом руководитель «Христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии»¹⁷.

В тексте программы СТЦ, написанной А. Святогором, главный акцент был сделан на необходимости очистить Церковь от многовековых искажений и отступлений от Евангельского идеала, обеспечить достижение тесного, живого, органического единства Церкви с современностью, а также добиться примирения религии с наукой и социализмом¹⁸. Разъясняя

Федор Ильич Жилкин

позицию лидеров СТЦ, А. Святогор указывал: «В христианстве как миропонимании и мироотношении необходимо различать две стороны: область веры и область дела. Предмет веры составляет вразумное, сверхъестественное. Предметом дела является разумное, естественное. Забота веры — в личном спасении души через примирение с реальной смертью. Положительное дело ставит целью коллективную борьбу с натуральным гнетом. Историческая церковь, уйдя в схоластику, мистику, обрядоверие, став на сторону имущих классов, т.е. отказавшись от трезвого идеала, требующего положительного дела в смысле коллективной борьбы с социальным злом и натуральным гнетом, тем самым стала церковью бездельной, глубоко антихристианской, враждебной миру и жизни, стала, по словам апостола Иакова, мертвой и потому излишней в жизни. И всякие попытки оживления ее на основе бездельной веры безнадежны, вредны. Наследие старой церкви в форме схоластики,

мистики и тенденции к сохранению господства отживших классов еще не изжито и требует решительной борьбы — последняя возможна при необходимом условии, что основу новой церкви будет составлять не бездельная вера, но положительное дело. Поэтому новая церковь должна искать опору не в далеком прошлом, а в океане живой действительности, должна проникнуться революционным пафосом современности. СТЦ в основу полагает реальное дело в смысле евангельского идеала любви и борьбы со смертью, но так как всеобщая борьба с натуральным гнетом требует объединения всего человечества, то СТЦ необходимо приходит к активному принятию идеи всемирной революции, имеющей целью через устранение классовых и других разделений слить человечество воедино. Выдвигая на первый план реальное дело, СТЦ тем самым утверждает необходимость знания, как верного источника теоретической и практической власти над природой. Ведя борьбу с основными тенденциями старой церкви, СТЦ считает, что догматические различия как результат бездельной веры не должны препятствовать объединению мирян, духовенства и сектантов. Объединение должно происходить на основе знания, борьбы с натуральным злом при активном принятии идей всемирной революции»¹⁹.

В дополнение и развитие «основной программы» А. Святогором были выработаны тезисы «О храме», в которых, в частности, речь шла о том, что: «1) Храм есть место проповеди трезвой евангельской правды, место решительной борьбы с религиозными предрассудками (в широком смысле), с церковной обрядностью, с упадочной мистикой и т. д. В то же время храмы — это опорные пункты коллективной борьбы человека за евангельский идеал любви, победы над смертью и обладания землей и вселенной. 2) Храмы необходимо изъять из рук “книжников и фарисеев” (черное и белое духовенство) и эксплуататоров, из рук консервативной и контрреволюционной окраски, — и передать их в ведение СТЦ. В храме недопустима эксплуатация, особенно эксплуатация темного религиозного сознания через выполнение обрядов и магических действий. 3) Храмы, как опорные пункты в борьбе с природой, со смертью, необходимо должны принять в себе моменты знания, так как правда научная не противоречит правде Христа. Особенно важно широкое введение в храм научных моментов в смысле осуществления личного бессмертия, воскресения и овладения землей и вселенной. Так, например, заслуживает большого внимания установление при храмах метеорологических пунктов, совместное с советской властью участие в борьбе с последствиями голода, поддержка таких мероприятий ее, как электрификация и др. В храмах следует научно поставить вопрос о личном бессмертии, так как биологические твердыни смерти уже поколеблены. 4) Наряду с моментами знания нужно ввести эстетические моменты. Новому содержанию должна соответствовать и новая внешность. Поэтому храмам, как снаружи, так и изнутри, нужно придать новый облик. В храм вводятся разные виды здорового искусства, имеющие целью художественное обнаружение трезвого идеала СТЦ, но отнюдь не затемнение религиозного сознания. 5) В храмах также осуществляется задача воспитания нового, этически цельного, трез-

вого и бодрого человека путем проповеди, примера и дела. Сильная, честная, героическая личность должна стать общим правилом повседневной жизни в противоположность дряблой, лживой, трусливой и жадной личности буржуазного общественного класса».

Тезисы Святогора были одобрены членами «церковной коллегии» СТЦ, к их проведению в жизнь было решено приступить немедленно. Наряду с этим в ближайших (не дожидаясь созыва собора) планах СТЦ, принятых по предложению Иоанникия, значились: литургическая реформа, предполагавшая «упрощенное богослужение при отсутствии иконостаса», а также передача всех золотых и серебряных «принадлежностей культа» в распоряжение государства на борьбу с последствиями голода; и др.²⁰

«Массовый голод ликвидирован, — писал Святогор в статье “Свободная Трудовая Церковь” на страницах “Известий ВЦИК”, — но тяжкие последствия голода — массовое обнищание, хозяйственная разруха и пр. стоят перед нами и требуют длительной борьбы. Свободная Трудовая Церковь в этой борьбе усматривает одну из важнейших задач, вставших перед революционной страной. Начало коллективной борьбы с враждебными силами природы отвечает, по мысли СТЦ, трезвому евангельскому идеалу в смысле освобождения человека от власти природы. Эти средства частично можно получить изъятием всех золотых, серебряных и ценных предметов культа и передачей их в соответствующие учреждения. Необходимо помнить, что эти ценности образовались путем принесений, как результат проявления мещанского благополучия... Эти ценности представляют собой не собственность церковников, а достояние трудового народа и поэтому должны быть употреблены на народное дело. Кроме того, наличие ценностей в домах молитвы означает фетишизм, способствует эксплуатации темного религиозного сознания, утверждает и впредь мещанское благополучие лавочников. Во имя освобождения сознания от пут фетишизма и магии, во имя правильного понимания разума и совести Свободная Трудовая Церковь обращается к мирянам и духовенству церкви православной и других вероисповеданий с горячим призывом реально проявить поддержку Советской власти в ее борьбе с последствиями голода, путем передачи всех церковных ценностей, до колоколов включительно, в соответствующие учреждения. Для осуществления этой задачи СТЦ постановила: 1. Из всех храмов, поступивших или поступающих в ведение СТЦ, передать все ценности (включая и колокола) и предложить научным учреждениям использовать храмовые башни (колокольни) под метеорологические пункты для изучения погоды. 2. Обратит внимание мирян, духовенства и церковных обновленческих групп на то, что изъятие представляет удобный повод к борьбе с языческим фетишизмом и тем самым представляется возможность оправдать выкинутые ими лозунги. 3. Обратит внимание прогрессивного духовенства на то, что для него изъятие представляет удобный повод принять общечеловеческий вид — снять свои средневековые одежды и присоединить их к ценным предметам культа. 4. Обратиться в ВЦУ с призывом не ограничиваться половинчатыми мерами, а действовать решительно»²¹.

Запись в члены СТЦ производилась по адресу: Москва, Арбат, Большой Афанасьевский переулок, дом 5, кв. 4. Культурным целям служили помещения ранее пустовавшего бывшего приходского храма Св. Николая «Красный звон» в Зарядье, в Юшковом переулке²². Литургия служилась здесь лишь изредка, 2–3 раза в неделю. Основным же было воскресное вечернее «богослужение». После краткого молебна в исполнении еп. Иоанникия читалась им же сочиненная молитва за советскую власть. Затем, сняв с себя облачение и рясу, Иоанникий садился у свечного ящика. Святогор открывал собрание: всякий, кто имел на то желание, мог войти на кафедру и высказаться. «Прения» затягивались до полуночи. После этого выступал Святогор с заключительным словом и на прощание читал свои последние стихи. Молящихся было немного. Большинство верующих настороженно воспринимало то обстоятельство, что тексты руководителей СТЦ печатались на страницах центральных советских газет. Еще больше их отталкивала содержательная часть программы новой церкви, авторы которой, по словам современников, «совершенно вычеркивают из христианства благодатно-мистическую стихию, отчего оно <...> превращается в простой придаток к коммунизму»²³.

Отношение властей к деятельности СТЦ тоже было сдержанное. В отчетном докладе Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро ЦК о проделанной работе (от 1 января 1923 г.) подчеркивалось, что «группа “Свободной Трудовой Церкви” провозглашает лозунг “вон буржуев из церкви” и решительно отвергает не только таинства и обряды, но также догматы и каноны. <...> Она считает что старое христианство себя совершенно изжило, что роль религии должна взять на себя наука (тем более что скоро научными методами можно будет даже осуществлять личное бессмертие) <...>. Выступление “Свободной Трудовой Церкви” на страницах печати вызвало отклик во всех эмигрантских газетах. Руководители получили массу бранных и приветственных писем. <...> Отдано распоряжение через отдел управления Московского Совета о предоставлении ей пустующего храма»²⁴. Однако уже 27 февраля 1923 г. «Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП», заслушав доклад начальника 6-го отделения Секретного отдела (СО) ГПУ Е. А. Тучкова «О предсоборной работе» (протокол № 14. п. 2), постановила: «Заключенный договор “Свободно-Трудовой Церкви” с Моссоветом на церковь — расторгнуть, ввиду того, что эта группа с занятием (таковой? — М. К.) может принести вред нашей церковной политике и замедлить ход развития обновленческого движения»²⁵.

Проходивший в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г. I Обновленческий Собор Православной Церкви признал мелкие обновленческие группировки нецерковными, и им мест в руководящих органах, сформированных собором, предоставлено не было.

2 июня 1923 г. ЦК СТЦ обратился в НКВД РСФСР с просьбой выдать «соответствующее разрешение на право развития организационной деятельности в пределах Р. С. Ф. С. Р.». К заявлению был приложен комплект документов, в том числе проекты устава и программы, протокол организационного собрания, списки учредителей и прочее²⁶.

Программа СТЦ, включавшая в себя 5 разделов, содержательно во многом повторяла тексты А. Святогора конца 1922 г.: «1. Основные положения. <...> § 2. <...> Церковь — живое соратничество для творческого осуществления на земле Христовой правды, выраженной в Евангелии. § 3. <...> Чтобы дать могучий толчек (так в тексте. — М. К.) развитию жизни и творчества на Евангельской основе, Церковь должна учесть и проникнуться научными и этическими запросами, идеалами и достижениями современности. § 4. <...> Трезвый смысл Евангелия не в реставрациях прошлого, но в творческом преображении человека и вселенной в соответствии с учением Христа: в силу этого жизненный смысл Евангелия должно очистить от затемнявшего его веками мертвого, церковно-схоластического понимания. <...> 2. Оценка и основные задачи момента. § 1. Многовековой разум человечества вступил на путь величайших социальных переворотов в пользу трудящихся и обремененных. <...> § 2. Церковь казенной ортодоксии, чуждая жизненному прогрессу, враждебная великому и справедливому дерзанию униженных и оскорбленных, осталась вне жизни и человечество современности <...>. § 3. С другой стороны, агония Церкви глубоко затронула церковные и верующие круги, результатом чего явилось т. н. церковно-обновленческое движение. Это последнее находится лишь в первой стадии развития. Являясь однобоким и узким, нежизненным и консервативным, оно не даст Церкви исторической устойчивости. § 4. Для достижения последней цели необходим ряд подлинно-церковно-революционных преобразований, который должен выявить истинное содержание как внутренней так и внешней стороны Церкви и указать ей надлежащее место в условиях величайших социальных потрясений современности. 3. Отношение к инославным христианским вероучениям. § 1. Христианская Церковь должна быть интернациональна и едина по своему идеалу. <...> СВОБОДНАЯ ТРУДОВАЯ ЦЕРКОВЬ считает одной из важнейших своих задач объединения всех христиан мира для молитвенного, евхаристического и братского общения между собою. § 2. Для достижения этой цели СТЦ считает необходимым всячески <...> бороться с <...> нетерпимостью и религиозным антагонизмом последователей различных Христианских вероучений между собою. § 3. Необходимо осознание чисто внешних исторических мотивов, вызвавших этот антагонизм и разделение <...>. § 4. Религиозный антагонизм прошлого, разделявший христиан не столько по религиозным убеждениям, сколько по соображениям правящих классов и правительств государств, должен быть изжит навсегда <...>. § 5. <...> пусть ни одно христианское вероучение не претендует на перемену взглядов и убеждений другого: пусть ничто не мешает христианам различных убеждений и оттенков входить в теснейшее молитвенное и эвхаристическое (так в тексте. — М. К.) общение между собою. <...> § 7. В полном соответствии с этим должна быть допущена совместная молитва всех христиан в храме любого вероисповедания по своему принятому обычаю, а также эвхаристическое (так в тексте. — М. К.) общение. § 8. Великий пример христианской любви и общения должно подавать духовенство <...>. § 9. Признавая

великие социальные и научные достижения трудовых, экономически-обиженных масс мира и полное соответствие их революционных дерзаний Евангельскому принципу установления на земле Христовой правды, Свободная Трудовая Церковь считает одной из важнейших своих задач пропаганду и организацию всех трудящихся христиан мира в ХРИСТИАНСКИЙ Интернационал.

4. Отношение к Государству, обществу и социальному укладу жизни.

§ 1. Союз Церкви с Государством в корне противоречит основной сущности Христианства, как религии надмирной, религии духа: в этом отношении отделение Церкви от Государства есть акт священный, справедливейший и необходимый с точки зрения Евангельской. Отсюда обоюдное невмешательство и полная аполитичность Церкви (нашедшие себе выражение в декретах Советской власти об отделении Церкви от Государства и Школы от Церкви), должны всячески поддерживаться и проводиться в жизнь.

§ 2. Поддержка Советской власти, как силы руководящей революцией и направляющей общество к социальной правде, и как силы, ведущей борьбу с натуральным гнетом, чуждым идее христианства.

§ 3. Церковь должна принять великий смысл мировой революции, имеющей целью устранение социальной и экономической несправедливости и создания единого бесклассового общества.

§ 4. Церковь должна находиться в живом единении с современностью. Для Церкви революция и революционное брожение современного духа должны стать органически близкими <...>.

§ 5. <...> эксплуататоры не должны быть членами Церкви, а тем более допускаться к принятию священства. <...>

5. Ближайшие церковные реформы. Принимая во внимание вышеизложенное, СВОБОДНАЯ ТРУДОВАЯ ЦЕРКОВЬ, стоя на строго-православной точке зрения и на ясном понимании Евангельского учения вносит на предстоящий Поместный Собор Русской Церкви следующий проект (так в тексте. — М. К.) церковных преобразований, соответствующих главной сущности современно-обновленческих течений, <...> жизненно-необходимых для современной Церкви:

А) В области догматической:

§ 1. Пересмотр всего догматического учения Церкви и устранение из него того, что не соответствует ясному смыслу Евангельского учения и правде жизни (напр. учение о мощах).

§ 2. Учение о Боге, как мстителе и карателе грешников, должно быть оставлено, как не соответствующее духу Евангельской любви и наоборот, как можно глубже и шире развито учение о Богосыновстве человека и отсюда о братском единении между собою всего человечества.

§ 3. Объединение всех христиан мира для молитвенного и эвхаристического общения между собою (догматическое оправдание сего акта).

Б) В области этической:

§ 4. Полное отрицание монашеского института, как отжившего свое назначение и выродившееся (так в тексте. — М. К.) в уродливые формы современности.

§ 5. Воспитание этически-цельного человека — христианина на основе Евангельской любви к ближним и свободе от греха.

§ 6. Проведение коммунально-общинного уклада в жизнь верующей массы.

§ 7. Решительная борьба с религиозным антагонизмом и фанатизмом в отношениях к последователям различных христианских вероучений.

В) В области литургической:

§ 8. Свобода творчества

в литургике, при обязательном условии сохранения основ Богослужебного чина <...>. § 9. Осуждение узко-кастового положения духовенства, в смысле сословной монополии церковно-иерархических ступеней <...>. Кастовое духовенство (но не иерархия), по самой идее не соответствует духу Евангелия и направлению церковной жизни современности, которая требует не сословных пастырей-профессионалов, а бескорыстно-идейных слуг алтаря, пастырей-исповедников, людей созидательного труда и духовного подвига. § 10. <...> Предоставление мирянам доступа ко всем степеням иерархии. § 11. Систематически упорная и решительная борьба с обрядовериями и суевериями верующей массы. § 12. Упразднение всякого рода наград и отличий духовенству, начиная с митр и кончая скуфьями. § 13. Упразднение титулов иерархии, не соответствующих понятию о христианском смирении пастырей (напр. "Преосвященство, высокопреподобие" и т. п.). § 14. Упразднение целования рук у священнослужителей без различия сана, как пережиток рабства. § 15. Изгнание из стен храма торговли какими бы то ни было предметами культа, как-то: свечами, просфорами, ладаном, образками и т. п. § 16. Введение богослужения и проповеди на родном языке каждой национальности: беспрепятственное (так в тексте. — М. К.) разрешение церковной проповеди мирянам. § 17. Введение общего пения на богослужении, допущение духовной музыки и сидения во время богослужений. § 18. Выработка чина совместного совершения богослужений с духовенством инославных христианских вероучений, а также порядка взаимного допущения к совершению таинств по нуждам всех христиан. <...> Г) В области канонической: § 20. Коренной пересмотр всех канонических правил и законоположений церковных и составление нового кодекса положений, отвечающих как духу Евангельского учения так и современному укладу церковной и общественной жизни. Д) В области общественной: § 21. Идеиная борьба с эксплуататорами (путем духовного воздействия), как угнетателями ближних, противниками Христа и Его правды²⁷.

Как явствовало из текста Устава СТЦ, членом Церкви могло стать «§ 3. <...> всякое лицо христианского вероисповедания не эксплуатирующее (так в тексте. — М. К.) чужого труда, не моложе 18 лет, без различия пола и национальности, разделяющее основные положения программы СТЦ, принимающее постановления руководящих органов СТЦ, организационную дисциплину и настоящий устав. <...> § 6. Лица разделяющие идеи церковно-обновленческого движения, но окончательно не выявившие своего отношения к основным положениям СТЦ, считаются кандидатами в члены и могут получать право совещательного голоса. § 7. Выбывшими из состава СТЦ считаются: а) обнаруженные во вредной деятельности, направленной против СТЦ; б) вошедшие в другую церковную организацию; в) лица совершившие уголовные преступления».

Структура церковного управления должна была выглядеть следующим образом: «Высшим органом СТЦ является Всероссийский Съезд членов-делегатов избираемых на областных и Губернских Съездах СТЦ²⁸ <...> Всероссийский Съезд избирает Центральный Комитет,

который руководит всеми делами СТЦ и работами по ее развитию и организации. <...> Местные органы управления СТЦ состоят из Областных, Губернских, Уездных и Районных Комитетов. Эти Комитеты избираются соответствующими местными Съездами членов СТЦ <...>. Впредь до созыва I Всероссийского Съезда СТЦ всеми делами по ее организации и управлению ведает Центральный Комитет СТЦ, находящийся в Москве, который от ее имени входит в сношения с <...> Государственными, Церковными и Общественными учреждениями по всем вопросам СТЦ»²⁹.

В состав Центрального Комитета (Исполнительного органа) СТЦ, сформированного на заседании членов СТЦ 20 марта 1923 г., вошли 12 человек. Из их числа тайным голосованием был избран Президиум ЦК в количестве 5 человек: Смирнов Иван Сергеевич (еп. Иоанникий) — председатель ЦК; пролетарский поэт Дегтярев Николай Семенович — секретарь ЦК; рабочий Жилкин Федор Ильич — заведующий орготделом и хозяйственной комиссией ЦК; сотрудник коммунального хозяйства Краснопресненского совета г. Москвы Соколов Василий Михайлович — зам. председателя ЦК и кассир Центрокассы Наркомфина Комов Семен Андреевич — казначей ЦК³⁰.

Получив комплект регистрационных документов СТЦ, Административный отдел НКВД РСФСР запросил санкции СО ГПУ, тот переадресовал запрос в директивную инстанцию. 26 июня 1923 г. «Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП» приняла решение (протокол № 26. п. 2) от регистрации устава «Свободно-Трудовой церкви» «пока воздержаться»³¹. В свою очередь, 16 июля 1923 г. СО ГПУ также рекомендовал Административному отделу НКВД РСФСР: «от регистрации устава Свободной Трудовой Церкви временно воздержаться»³². 18 июля 1923 г. теперь уже Административный отдел Адмуправления НКВД РСФСР инструктировал Московский губернский отдел управления: «согласно Инструкции о религиозных Об-вах, опубликованной в Известиях ВЦИК № 92, Центральный Комитет Свободной Трудовой Церкви, как Всероссийская организация, существовать не может, вследствие чего деятельность такового должна быть ликвидирована в порядке циркуляра № 2513/с. Указанная организация может существовать лишь в виде исполнительного органа всероссийского съезда в периоды между съездами. Изложенное предлагается сообщить учредителям»³³.

27 февраля 1924 г. начальник VI отделения СО ОГПУ Е. А. Тучков в тексте отчетного доклада о работе отделения за 1923 г. на имя заместителя председателя ОГПУ В. Р. Менжинского подчеркивал, что СТЦ объединяет «разный сброд» и в силу своей реформаторской направленности носит «характер сектантский» и авторитетом у верующих пользуется «весьма слабым»³⁴.

Тем не менее, в 1924 г. в Москве началось издание журнала (надо полагать, с разрешения цензурирующих инстанций³⁵), носившего название «Камо грядеши» и являвшегося официальным печатным органом ЦК группы СТЦ. На страницах первого (и, как вскоре выяс-

нится, единственного) номера журнала были опубликованы за подписью А. Святогора материалы программного характера и предельно радикальной направленности.

Их содержание подтверждало приверженность главного теоретика партии тезису о том, что формы религии определяются, прежде всего, особенностями социально-экономической организации общества, изменения в которой ведут к появлению новых религиозных систем («новых религий или новых форм старых религий»), отвечающих условиям существования человечества: «С выходом человечества из эпохи умирающего капиталистического государства в эпоху новой социальной общественности, базирующейся не на насилии классов, а на добровольном сотрудничестве <...>, — писал А. Святогор, — перегородки религиозных культов рушатся вместе с идеологическими и экономическими надстройками прежнего классового деления людей, и вырастает новая научно-религиозная доктрина, основанная на вере и разуме освобожденного индивида»³⁶.

Давая свое видение религиозной доктрины и религиозных институтов, соответствующих требованиям новой пост-революционной социальной общности, Святогор продолжал настаивать на необходимости обеспечения синтеза религии откровения и «религии разума» с последующей трансформацией СТЦ в религиозное движение, выходящее за рамки чистого, пусть даже реформированного православия: «<...> 3. Неприкасаемыми основами вероучения должны быть Священное Писание Ветхого и Нового Заветов <...>. 4. Признать необходимым давать богослужение на родном языке каждой группы верующих, разгрузить церковный культ от утомительных повторений однозначных молитв, возгласов и песнопений. Дать при богослужении широкий простор живой проповеди священнослужителей и мирян и постепенно сократить давно отживший свой век национальный элемент Ветхо-Новозаветных чтений, молитв и песнопений, заменяя его общечеловеческими терминами и выражениями. 5. Заключить принципиальное соглашение с Российской патриархией о возглавлении СТЦ выборным епископом, при чем всю культовую сторону жизни СТЦ предоставить руководству епископата в союзе его с пресвитерством и диакономством и выборными мирянами. При отсутствии же такового соглашения объявить СТЦ Христокефальной и принять в ее лоно представителей клира всех других иерархически правильных церквей в сущем их сани. <...> 7. В качестве направляющей идеальной цели для всей своей дальнейшей жизни и конечно устройства СТЦ признает создание на основе данного христианством религиозного фундамента Всеединой Вековечной Религии Духа Грядущего Мира Бога-Человечества»³⁷.

История СТЦ середины 1920-х гг. обеспечена документальными источниками в минимальной степени. Последнее выявленное нами упоминание о СТЦ относится к осени 1925 г. 25 октября 1925 г. Председатель Совета СТЦ при храме Св. Николая «Красный звон» В. М. Соколов, обращаясь к руководству Всесоюзного Совета духовных христиан-молокан, предложил «свою аудиторию (Ильинка, Юшков пер., 9) для проповеди духовного христианства

в часы и дни по соглашению с Советом С. Т. Ц.»³⁸. Реакция молокан на предложение о сотрудничестве нам не известна.

Дальнейшую судьбу СТЦ нам проследить также не удалось.

¹ *Святогор А.* Биокосмическая поэтика / Биокосмизм. Материалы № 1. М., 1921; *Иваницкий П.* Пролетарская этика / Там же; *Святогор А.* Два. [Доктрина отцов и анархизм-биокосмизм; Три штиля] / Биокосмизм. Материалы № 2. М., 1922. — В издании также: От Секретариата К. Р. и М. А.–Б.; *Лидин П.* Орех, недоумение и камни.

² Владимир (князь Путята Всеволод Владимирович, 1869–1936 г.), архиепископ Пензенский и Саранский. В августе – сентябре 1917 г. был отстранен Св. Синодом от управления делами Пензенской епархии и запрещен в священнослужении за растление «младовозрастной девицы» (впоследствии обвинение не подтвердилось, и архиерей был оправдан Судной Комиссией Епископов). Однако за отказ повинаться священноначалию (требование отъехать на местожительство в отдаленный монастырь) и за обращение за содействием в разрешении внутрицерковного конфликта к гражданским властям, Собором епископов в апреле 1918 г. был лишен архиерейского сана (с оставлением в монашестве). В терминологии тогдашнего времени поведение Путяты квалифицировалось как «церковный большевизм». 10 (23) мая 1918 г. Патриарх и Св. Синод отлучили Путяту от Церкви за то, что, будучи под запрещением, он совершал священнослужение. Начиная с весны – лета 1918 г. сторонники Путяты в Пензе при его активном подстрекательстве начали силой захватывать городские храмы и создавать параллельные церковные структуры («Общеприходской Христианский Союз», трансформировавшийся в «Пензенский епархиальный Народный Совет»). После неудачных попыток (сентябрь – ноябрь 1919 г.) примирения с Московской Патриархией (просьба о снятии отлучения и восстановлении в правах правящего архиерея) Путята основал и возглавил (при поддержке органов ВЧК) в Пензе в ноябре – декабре 1919 г. «[Православную] Свободную народную церковь». Целью нового религиозного объединения объявлялось стремление «восстановить во всей первобытной чистоте искаженное современным фарисейством евангельское учение и идти рука об руку с Народной рабоче-крестьянскую Властью»: «предстоит далее планомерная работа, облегчающая гражданской власти проведение в жизнь важнейших современных общегосударственных Узаконений, наиболее тесно связанных с Церковью, каковы: отделение Церкви от Государства, гражданский брак и развод, имущественный вопрос». Чекисты не исключали возможности «путем судебного нарочито созданного процесса против Патриарха [Тихона], удалить его», заменив Вл. Путятой. Однако создать новый центр церковной власти во главе с Путятой ни в Пензе (в 1919–1920 гг.), ни в Казани (в 1921 г.) так и не удалось.

Ближайшим сподвижником Путяты, по крайней мере, в течение 1918–1920 гг., был И. С. Смирнов. Однако в 1921 г. отношения между соратниками по расколу, но соперниками в борьбе за влияние среди последователей обострились и постепенно приняли почти неприкрытый конфронтационный характер.

³ *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии. Книга первая: Исторический очерк. Пенза, 1999. С. 290 со ссылкой на Архив Управления ФСБ России по Пензенской обл. Д. 7745-п; *Иванов Н. П.* История путятинской смуты // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 89; 1999. № 1. С. 84–85; 134–137; *Левитин А., Шаров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 238–242; «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 783; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1825. Л. 371 об.–372.

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 831. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. Р–393. Оп. 43 а. Д. 1825. Л. 371 об.–372.

⁶ Там же. Ф. А–353. Оп. 2. Д. 711. Л. 12–12 об.; Оп. 3. Д. 766. Л. 180–183; Центральный архив ФСБ России. Д. Р–33149. Л. 186–189, 245–246 об., 263.

⁷ Центральный архив ФСБ России. Д. Р–33149. Л. 49 об. (то же: Л. 57 об., а также Л. 64 об.)

⁸ В 1919 г. (?) Иоанникий сочетался законным браком с Анной Дмитриевной (по другим сведениям — Анной Ивановной) Тюморезовой, учительницей математики одной из школ г. Пензы.

⁹ По свидетельству очевидцев, поставляемый именовался в ходе процедуры не архимандритом, а протоиереем.

¹⁰ Впоследствии, в письме на имя митрополита Сергия (Страгородского), Путята заявлял, что пошел на этот шаг в целях оказания противодействия обновленцам (*Иванов Н. П.* История... 1999. № 2. С. 103).

¹¹ «Обновленческий» раскол... С. 783; История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М., 2006. С. 367; *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии. С. 290; *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 238–242; *Иванов Н. П.* История... 1999. № 2. С. 102–103.

¹² *Иванов Н. П.* История ... 1999. № 3. С. 83.

¹³ *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии. С. 293–294; «Обновленческий» раскол... С. 783; *Иванов Н. П.* История... 1999. № 2. С. 105–107; 1999. № 3. С. 80–81.

¹⁴ *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии. С. 295 со ссылкой на Архив Управления ФСБ России по Пензенской обл. Д. 7745-п.

¹⁵ В отчетном докладе Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро ЦК о проделанной работе (от 1 января 1923 г.) ее председатель Н. Н. Попов среди членов Свободной Трудовой Церкви упоминает «опального епископа Путята (так в тексте. — М. К.), лишённого епископского сана за систематическое нарушение 7-ой заповеди» (Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Сост. и коммент. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова: В 2 т. М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 1. С. 352–353). Другими источниками данная информация не подтверждается.

¹⁶ Известия ВЦИК. 1922. № 278. 8 дек.; Политбюро и церковь. Т. 1. С. 352.

¹⁷ Жилкин Федор Ильич (1871 или 1872 или 1874 г. р.). Русский. Из крестьян д. Ченцы Аннинской волости Волоколамского уезда Московской губернии. Образование: сельская школа. С 1893 по 1897 г. служил в армии «в звании старшего унтер-офицера». В 1904 г. в течение четырех месяцев участвовал в работе «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», одной из первых массовых легальных рабочих организаций в России, основанной священником Г. Гапоном; некоторое время, по словам самого Жилкина, даже «состоял секретарем Гапона» (воспоминания об этом периоде его деятельности были опубликованы в № 2 журнала «Вертоград» за 1918 г.). Однако 27 декабря 1904 г. из состава общества был исключен. До декабря 1916 г. работал «монтером по установке ткацких и механических станков» в ткацко-тесемочной мастерской Емельянова (Санкт-Петербург – Петроград) и слесарем на заводе Сименс-Шуккерт. С декабря 1916 г. до февраля 1917 г. исполнял обязанности монтера на заводе «Проводник» (Москва). С июня 1917 г. по ноябрь 1919 г. возглавлял (в качестве председателя) «Христианско-социалистическую рабоче-крестьянскую партию» (далее — ХСРКП). Во второй половине 1919 г. Жилкин был привлечен к судебной ответственности за то, что без официального разрешения изготовил и расклеил по Москве афиши о планировавшемся (под эгидой ХСРКП) на 2 июля 1919 г. публичном мероприятии на тему «Почитание Святых Мощей в связи с осмотром их», в ходе которого с докладом должен был выступить член Поместного Собора 1917–1918 гг. проф. Н. Д. Кузнецов, а содокладчиком — сотрудник VIII отдела Наркомюста М. В. Галкин. Московский Совнарсад 30 сентября 1919 г., рассмотрев дело в отсутствие обвиняемого, заочно признал Жилкина виновным в стремлении посредством размещения на агитационной продукции ХСРКП фамилии сотрудника советского ведомства обеспечить рекламу своей партии и создать у граждан ложное

представление о действительном отношении органов советской власти к «вредной» деятельности ХСРКП. Кроме того, суд обвинил Жилкина в присвоении партийных денег (небезосновательно, судя по сохранившимся документам), а заодно попытался представить лидера ХСРКП в качестве «агента влияния» черносотенно-монархических кругов (Патриарх Тихон, проф. Н. Д. Кузнецов, Совет объединенных приходов г. Москвы во главе с А. Д. Самариним и т. д.). Узнав 6 октября о состоявшемся судебном решении, Жилкин подает кассационную жалобу и 26 октября уезжает из столицы в Уфимскую губернию в целях закупки продуктов для своей партии. Лишь после того, как сотрудники органов правопорядка («Следственной комиссии») г. Белебея случайно на страницах газеты обнаружили текст судебного приговора в отношении Жилкина, он был задержан и помещен под арест. С 16 ноября 1919 г. по январь 1920 г. Жилкин содержался в помещении местной тюрьмы, после чего был освобожден под надзор милиции. С 31 января по апрель 1920 г. он числился в качестве «секретного сотрудника» («агента») Белебейского Упродокома. В ходе исполнения своих новых служебных обязанностей 28 февраля попал в руки «зеленых» (речь идет об участниках так называемого Вилочного восстания февраля – марта 1920 г., направленного преимущественно против продотрядов) и лишь чудом избежал расстрела. С апреля по май 1920 г. Жилкин служил в должности «комиссара Белебейской уездной ЧК», а после ее ликвидации 12 мая 1920 г. «вместе со всеми чекистами» переехал в Уфу, где был принят на службу в качестве «комиссара секретного отдела Уфимской ГубЧК» специально для работы среди духовенства. На другой же день после поступления на службу, а именно, 19 мая 1920 г., Уфимская губЧК командирует Жилкина (по его же просьбе) в Москву для приобретения канцелярских принадлежностей. Попутно Жилкин предполагал, по официальной версии, «ликвидировать дела партии», в частности, «учесть денежные средства» ХСРКП. Узнать что-либо «о делах своей партии» (не исключено, что и похлопотать о ее дальнейшей судьбе) возможно было только в VIII отделе Наркомюста, так как именно там находились изъятые «книги партии» и иная партдокументация. Однако при попытке 3 июня 1920 г. получить пропуск в комендатуре Кремля (Наркомюст располагался на кремлевской территории) Жилкин был задержан и помещен под арест. Тем временем Московский Совнарсуд в своем заседании от 6 июля 1920 г. отменил (по кассационной жалобе Жилкина) обвинительный судебный приговор от 30 сентября 1919 г. и передал дело на новое рассмотрение в Хамовнический районный нарсуд. Однако бывшему руководителю ХСРКП это не помогло. Постановлением Президиума ВЧК от 30 июля 1920 г. по обвинению «в контр-революционной и провокационной деятельности» (имелось в виду, что Жилкин стремился пробраться в ряды ЧК исключительно с враждебными намерениями) он был приговорен к заключению в концлагерь на 15 лет. Срок свой отбывал (с 9 августа 1920 г.) на территории Андроньевского лагеря особого назначения (г. Москва, Андроньевская площадь). С октября 1920 г. работал в лагерной автомастерской. По амнистии ВЦИК от 7 ноября 1920 г. срок заключения был сокращен до 5 лет. Еще через год, 11 октября 1921 г., Жилкин был из лагеря освобожден. Соответствующему протокольному решению судебного заседания Президиума ВЧК от 7 октября 1921 г. предшествовало появление нижеследующего заключения: «Справка. К освобождению Жилкина по делу № 10319 со стороны 7 отд. СОВЧК препятствий нет. Просьба не брать с Жилкина опубликования о выходе его из христианской организации. Уполномоченный 7 отд. Рутковский. 27/IX-21 г.». Содержание вышеприведенного текста наводит на мысль, что Жилкин дал согласие на сотрудничество с органами ВЧК в качестве «секретного сотрудника» и в силу этих обстоятельств был освобожден досрочно.

¹⁸ Известия ВЦИК. 1922. 2 дек.

¹⁹ Святогор А. Бездельная вера и реальное дело // Известия ВЦИК. 1923. № 5. 10 янв. С. 5.

²⁰ Известия ВЦИК. 1922. № 278. 8 дек.

²¹ Там же. 1923. № 31. 11 февр. С. 3.

²² Иванов Н. П. История... 1999. № 3. С. 84–85.

²³ Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 238–242.

²⁴ Политбюро и церковь. Т. 1. С. 352–353.

²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 30.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1825. Л. 369.

²⁷ Там же. Л. 380–381.

²⁸ В тексте устава оговаривалась возможность направления «соответствующего числа своих представителей на Поместные Соборы Русской Церкви, а также на Съезды, созываемые по обще-церковным делам: непосредственное участие в В.Ц.У.».

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1825. Л. 382–382 об.

³⁰ Там же. Л. 371 об.–372, 377–378.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 15.

³² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1825. Л. 370.

³³ Там же. Л. 368.

³⁴ Опубликовано: Политбюро и церковь. Т. 2. С. 405 со ссылкой на РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 176. Л. 143–144). — См. также: Центральный архив ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 105–114.

³⁵ 29 апреля 1924 г. 6-м отделением Секретного отдела (СО) ОГПУ был арестован Ф. И. Жилкин по обвинению в том, что он, будучи зав. орготделом ЦК СТЦ, «запустил распространение» религиозного журнала «Камо грядеши» явно антисоветского содержания (72 ст. УК 1922 г.). Жилкин пробыл под стражей до середины лета, однако в конечном итоге, как явствовало из текста заключения (от 10 июня 1924 г.), подготовленного уполномоченным 6-го отделения СО ОГПУ Казанским, «обвинение в вышеназванном преступлении установлено не было», и Коллегия ОГПУ на своем судебном заседании 19 июня 1924 г. приняла решение арестованного освободить.

По последним имеющимся в нашем распоряжении сведениям, с 1 сентября 1930 г. Жилкин работал на льно-ткацкой фабрике «Непрерывка» Замоскворецкого района г. Москвы.

³⁶ Пересвет-Пересветов А. (Святогор А.) Тезисы к докладу «Кризис религии» // Камо грядеши. 1924. № 1. С. 7.

³⁷ Пересвет-Пересветов А. (Святогор А.) О задачах и целях «Свободной трудовой церкви» // Камо грядеши. 1924. № 1. С. 3–5.

³⁸ Научно-исторический архив (б. Отдел рукописей) Государственного музея истории религии. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 55.

УДК 94(47).084

Крапивин М. Ю. Свободная Трудовая Церковь (1922–1925 гг.): из истории обновленческого движения в русском православии первой половины XX в. // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 90–107.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена истории Свободной Трудовой Церкви (СТЦ), созданной в Москве в 1922 г. усилиями Александра Святогора — известного поэта, анархиста; Федора Жилкина — помощника (в прошлом) священника Георгия Гапона, впоследствии (1917–1919 гг.) — председателя Христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии; и Ивана (Иоанникия) Смирнова — одного из организаторов «пензенского церковного раскола» (1918–1921 гг.), ближайшего соратника архиепископа Владимира (Путяты). Реконструируется процесс возникновения и развития СТЦ. Подробно излагаются биографические сведения об основателях СТЦ, характеризуются их религиозные и политические взгляды. Раскрываются особенности взаимоотношений СТЦ с советским государством, в том числе, с органами государственной безопасности (ВЧК–ГПУ–ОГПУ). Выявляются место

и роль СТЦ в православном обновленческом движении первой половины 1920-х гг. Первоначально (конец 1922 – начало 1923 г.) власти рассматривали сам факт существования СТЦ как дополнительную возможность внесения дезорганизации в ряды Российской Православной Церкви в целях ослабления Московской Патриархии. Однако проходивший весной 1923 г. I Обновленческий Собор признал мелкие обновленческие группировки нецерковными, и им было предложено распуститься. СТЦ эти рекомендации проигнорировала. Тогда ГПУ высказалось в пользу постепенной нейтрализации деятельности СТЦ (как наносящей вред советской государственной политике в религиозном вопросе и замедляющей ход развития православного обновленческого движения) и за ее последующую ликвидацию. Именно поэтому попытка СТЦ летом 1923 г. пройти обязательную для всех религиозных объединений регистрацию не удалась. В статье детально анализируются программа и устав СТЦ, свидетельствовавшие о крайнем радикализме позиций ее идеологов и руководителей, преследовавших цель добиться трансформации СТЦ в религиозное движение, выходящее за рамки чистого, пусть даже реформированного православия. Верующие, и ранее настороженно воспринимавшие то обстоятельство, что тексты СТЦ печатались на страницах центральных советских газет, в 1923–1924 гг. покинули ряды организации, отвергавшей не только традиционные иерархические структуры, православные таинства и обряды, но фактически отказавшейся от канонов и догматов Православной Церкви, что превращало СТЦ в глазах верующих «в простой придаток к коммунизму».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Церковь, русское православие, религиозный реформизм, церковно-обновленческое движение, «Свободная Трудовая Церковь», программа и устав церковной организации, структура церковного управления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mihailkrapivin61@yandex.ru

Krapivin M. Yu. **The Free Labour Church (1922–1925): From History of the Renovatianist Movement in Russian Orthodoxy during the first half of the 20th century**

ABSTRACT: The article is devoted to the history of the Free Labour Church (FLC), which was created in Moscow in 1922 by three people: the well-known poet and anarchist Alexander Svyatogor; Fyodor Zhilkin, a former assistant of the priest Georgii Gapon, who later (1917–1919) became the chairman of the Christian and Socialist Workers' and Peasants' Party; and Ivan (Loannikii) Smirnov, one of the organizers of the "Penza Church Schism" (1918–1921) who was also a close associate of Archbishop Vladimir (Putiat). The emergence and development of the FLC is reconstructed in this article. Biographical data on the founders of the FLC is detailed, and their religious and political views are characterized. Attention is cast toward the relationship between the FLC and the Soviet state, including relations with the state security agencies (VChK–GPU–OGPU). The FLC's role in the Orthodox Renovatianist movement during the first half of the 1920's is also clarified. Originally (in late 1922 – early 1923), Soviet authorities regarded the FLC as offering an additional way to disrupt the ranks of the Russian Orthodox Church and weaken the power of the Moscow patriarchy. However, the First Renovatianist Council (during the Spring of 1923) refused to recognize a number of small Renovatianist groups such as the FLC and encouraged them to disband. The FLC ignored these recommendations. Then, the GPU began to pursue the gradual neutralization of the FLC (insofar as it undercut Soviet state religious policy and interfered with the Orthodox Renovatianist movement). For this reason, when the FLC tried to register as a religious association in the summer of 1923, it was denied official recognition. This article analyzes the program and charter of the FLC. These materials testify to the radical nature of its ideologists and leaders, who wished for the FLC to become a religious movement that would extend beyond the boundaries of even reform Orthodoxy. Believers, who early on had been concerned about how the FLC's texts were printed in the central Soviet newspapers (1923–1924), subsequently left the organization when it rejected not only traditional hierarchical structures, orthodox sacraments and ceremonies, but also rejected the canons and doctrines of the Orthodox Church. This turned the FLC, in the believers' minds, "into a simple appendage to communism".

AUTHOR: Doctor of History, Professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia); mihailkrapivin61@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ Dvorzhanskii A. I. *Istoriia Penzenskoi eparkhii. Kniga pervaiia: Istoricheskii ocherk* (Penza, 1999).
- ² Ivanov N. P. 'Istoriia putiatinskoï smuty', *Penzskie eparkhialnye vedomosti*, no. 8 (1998), no. 1 (1999).
- ³ Levitin A., Shavrov V. *Ocherki po istorii russkoi tserkovnoi smuty* (Moscow, 1996).
- ⁴ «Obnovlencheskii» raskol (*Materialy dlia tserkovno-istoricheskoi i kanonicheskoi kharakteristiki*), ed. I. V. Solovev (Moscow, 2002).
- ⁵ *Istoriia ierarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: kommentirovannye spiski ierarkhov po episkopskim kafedram s 862 g. (s prilozheniiami)* (Moscow, 2006).
- ⁶ *Politbiuro i tserkov. 1922–1925 gg.*, ed. and comment. N. N. Pokrovskiy, S. G. Petrova: 2 volumes (Moscow-Novosibirsk, 1997–1998).